

КРАХ ИНЖЕНЕРА КОРОВКО И ЕГО «БАНКИРСКОГО ДОМА РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ» *

В 1909–1914 гг. в Петербурге широкой известностью сначала «финансового гения», а затем «короля русских аферистов» пользовался инженер-технолог Константин Михайлович Коровко. Представители столичного делового мира знали его как «Костю-инженера» и относились к нему без особого доверия, находя его предприятия не вполне солидными.

К. М. Коровко родился 20 мая 1876 г. в семье отставного есаула Михаила Емельяновича и Екатерины Егоровны Коровко в станице Уманской Кубанской области. В 1898 г. он окончил курс в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства по сельскохозяйственному отделению со званием ученого-агронома II разряда. В том же 1898 г., получив стипендию Войска Донского, он поступил в С.-Петербургский технологический институт, который окончил в 1906 г.¹ В июле 1901 г. Коровко вступил в брак с девицей Верой Амандой Ренкуль.

Несомненно, Коровко был широко образованным, предприимчивым и целеустремленным человеком, но также он был беспринципным дельцом, готовым пойти на все ради достижения собственных интересов. У него была непреодолимая страсть к обогащению, любыми способами и средствами. Стремление к личной наживе за счет обмана ближних погубило все предприятия Коровко и довело его вместе с женой до скамьи подсудимых.

Еще студентом Технологического института Коровко провернул свою первую аферу — создание фарфорового завода в своей родной станице Уманской, в районе, где даже отсутствовало сырье для данного производства. Но при помощи мошенничества ему удалось получить страховую премию.

В студенческие годы Коровко торговал велосипедами и лошадьми, а затем занялся биржевой спекуляцией. Выиграв на повышении акций Московско-Казанской железной дороги 240 тыс. руб., он пустил их в коммерческое дело. Коровко предпринял целый ряд геологических изысканий на Кавказе, Урале и в Сибири, сделал много заявок на золотые, нефтяные, соляные и другие прииски. Некоторое время он служил управляющим конторой нефтяных промыслов в обществе «М. А. Абаза, В. А. Карунчик, А. А. Яковлев и К°», продавшим английскому нефтепромышленному обществу «Чатма» земли, не имеющие никакого промышленного значения.

В октябре 1909 г. Коровко открыл «Банкирский дом Русской промышленности», который располагался на Невском пр., 100, в доме, где находился Совет съездов представителей промышленности и торговли. У неосведом-

ленной публики создавалось впечатление о существующей якобы тесной связи между ними². По свидетельству одного из посетителей контора Коровко поразила его своей роскошной обстановкой: всюду висели богатые люстры и бра, стояли шикарные письменные столы с блестящими письменными принадлежностями, большой несгораемый сейф, много пишущих машинок, громадные с золотым теснением конторские книги, масса картин в золоченных рамах, множество служащих и кипы циркуляров, проспектов, конвертов³.

В рекламных проспектах сообщалось, что данный банкирский дом производит все банковские операции: выкупает, продает, страхует от тиражей погашения выигрышные билеты, оплачивает и учитывает купоны, исполняет поручения, принимает на хранение и управление ценные бумаги⁴. Главным вкладчиком и распорядителем банкирского дома официально считался отставной подполковник Николай Иванович Мартынов⁵, внесший в основной фонд банка 5 тыс. руб., однако действительным хозяином всего дела был Коровко, внесший 45 тыс. руб. Реально же Мартынов внес только 500 руб., а Коровко — всего 200 руб. Таким образом, фактическая наличность банкирского дома составляла всего 700 руб.⁶

Вскоре оказалось, что «Банкирский дом Русской промышленности» существовал без утверждения Министерства финансов, а лишь по регистрации С.-Петербургской купеческой управы, благодаря чему находился не в ведении Особенной канцелярии по кредитной части, а в ведении Отдела торговли Министерства торговли и промышленности⁷. Сначала Мартынов подавал ходатайство о регистрации будущего банкирского заведения как требовали правила, но Особенная канцелярия отклонила его просьбу на основании того, что не ознакомлена «с родом производимых оным операций». В отказе также указывалось на то, что непременно условием открытия любого банкирского заведения является обязательное указание в его названии имени владельца. В нарушение предписания Кредитной канцелярии Коровко и Мартынов приступили к совершению банкирских операций, публикуя свои объявления в газете «Новое время», журнале «Финансовое обозрение» и некоторых других столичных изданиях.

В отступление от программы действий «С.-Петербургский банкирский дом Русской промышленности» в рассылаемых объявлениях «приглашал на подписку на выпускаемые оным паи», а также предполагал производить операцию учета соло-векселей, обеспеченных недвижимым имуществом». Последняя операция согласно 8 статьи X раздела Устава кредитного не разрешалась даже для частных кредитных учреждений. На основании этого Особенная канцелярия по кредитной части стала подозревать, что данный банкирский дом «под видом товарищества на вере, в отступление от сообщенных... сведений... предполагает производить операции, совершенно недопустимые для подобного рода учреждений». Особенная канцелярия настоятельно предлагала устранить все недостатки и несоответствия, а также

переименовать фирму в «Банкирский дом Н. И. Мартынов и К^о» и снять старую вывеску⁸. Решение было доведено до сведения Мартынова под расписку.

Онкольные операции были основным видом деятельности «Банкирского дома Русской промышленности»⁹. В своем банковском проекте Коровко особое место отводил шерам Лена-Гольдфильдс, пользуясь тем, что на русских биржах они не котировались, и проверка их стоимости являлась делом затруднительным. Стоимость шер обозначалась произвольно. Реклама и обман сделали свое дело, Коровко сумел «поймать в свои сети» онколистов на 340 712 руб. Через банкирский дом прошло клиентских бумаг по онколю до 2 млн. руб. За короткое время банк успел задолжать 281 633 руб. клиентам и 63 075 руб. банкирским конторам Никитиной, Фроловой и Аругоновой. Попался на удочку Коровко и священник Судомойкин, отдавший в банкирский дом на хранение свой единственный выигрышный билет. По заключению экспертов Коровко было присвоено деньгами 92 тыс. руб. и процентными бумагами около 20 тыс.¹⁰

Позже выяснилось, что все онкольные операции велись банкирским домом «на карандаш» — на биржу его представители не ходили, никаких ценных бумаг в портфеле фактически не было и они даже не покупались. Общий убыток клиентов банкирского дома составил 305 511 руб. При ликвидации дел банка в его кассе оказалось всего... 18 коп. наличными¹¹.

На следствии Коровко показал, что кассой заведовали Н. И. Мартынов и В. О. Захаревский, а он бухгалтерией не занимался, на нем лежали «высшие соображения», и если по книгам проводились фиктивные цифры, то это дело бухгалтеров¹². На суде Коровко заявил, что его «давнишняя мечта быть банкиром»¹³.

Одновременно с крахом «Банкирского дома Русской промышленности» разорилось Каспийско-Романовское нефтяное общество, учрежденное и принадлежащее Коровко¹⁴. Среди его именитых пайщиков числились камер-юнкер императорского двора И. И. Назимов, князь А. А. Долгорукий, княгиня Е. П. Долгорукая, князь Е. Л. Тарханов, княгиня В. Г. Тарханова, княгиня С. В. Тарханова, горный инженер А. А. Богушевский, генерал-майор А. И. Череп-Спиридович, князь Р. Я. Эристов, княгиня Эристова, сухумский городской голова князь Н. К. Тавчиридзе, генерал-майор А. В. Верещагин, князь В. А. Геловани, полковник А. Д. Горизонтов, надворный советник В. В. Коломитинов и многие другие известные особы. 25 января 1911 г. прокурору С.-Петербургского окружного суда поступило прошение счетовода Тихомирова с ходатайством о привлечении к ответственности учредителя Каспийско-Романовского нефтяного товарищества инженера Коровко за допущенные злоупотребления.

Было возбуждено следствие, которое обнаружило новую аферу. Выяснилось, что Коровко удалось убедить инженера А. А. Венсана и почетного

потомственного гражданина Мейера в том, что у него имеются богатые нефтеносные земли. Указанные лица вступили в число товарищей по добыче нефти под названием Касийско-Романовского нефтяного общества. Товарищеский договор был заключен в конторе петербургского нотариуса Н. Г. Гугеля.

Организовать товарищество удалось быстро, тем более что Коровко были переданы новому обществу права на приобретенные им по запродажной записи 8 десятин земли в имениях «Домме-Моджа» и «Конгор-Кишлак» и на заарендованные им же 50 десятин в юрте ст. Нефтяной.

Вскоре после образования товарищества директор-распорядитель Мейер убедился в том, что общество не добудет из этих участков ни одного литра нефти. Однако Коровко принялся за рассылку проспектов с целью привлечь пайщиков. Они рассылались в провинцию сотнями тысяч экземпляров. Надежды его оправдались. Немало людей поверило в заманчивую рекламу, но Мейер вышел из общества. За ним ушли Богушевский и князь Тарханов.

Размер основного капитала был определен главным учредителем в 3 млн. руб. Деньги поступали к кассиру Александру Коровко (брату Константина), а сам Константин Коровко распоряжался ими как своими собственными. В короткое время было реализовано паев общества на 622 тыс. руб. Из них 375 тыс. руб. поступили в кассу и в Государственный банк, а недостающая сумма в 247 тыс. руб. должна была быть отнесена за счет Коровко. Чтобы убедить пайщиков в реальности дела Коровко арендовал вагоны-цистерны, грузовые пароходы и нефтяные участки. Он убеждал людей в наличии 175 десятин нефтяных участков, 19 нефтяных складов, пайщикам сулился дивиденд и уверения в том, что нераспроданных паев осталось только на 350 тыс., а в действительности их оставалось еще на 2 076 800 руб. На запросы пайщиков о положении дел посылались уведомления о блестящем положении. Два других директора, И. И. Назимов и А. В. Марсов, видя, что паевые взносы расхищаются, а паи раздаются бесплатно, стали требовать прекращения рассылки проспектов и потребовали ревизии. Оказалось, что по книгам невозможно определить состояние дел, везде царили фикция и ложь. Пришлось прибегнуть к прокурору. Когда подсчитали сумму хищений паевых взносов, то оказалось, что похищено 156 тыс. руб. и ответственным за все злоупотребления являлся Константин Коровко. Ко времени ареста Коровко в кассе Каспийско-Романовского нефтяного общества оставалось 220 руб.¹⁵

Схожа была судьба еще одного предприятия инженера Коровко — «Брянцевско-Преображенского соляного общества», которое также существовало только на бумаге и его воображении.

Обстоятельства дела были таковы. Супруги Коровко организовали «Брянцевско-Преображенское соляное общество» со складным капиталом в размере 500 тыс. руб. Паи общества стоили 2000, 1000, 500 и 100 руб. В состав

товарищества также вошли первые «закладчики» братья Константин и Александр Коровко, инженер М. М. Гончаров (директор правления), А. М. Спиров, агроном Шульга и капитан Лащинский. Организаторы прибегли к самой широкой рекламе и распространяли сотнями тысяч экземпляров проспекты, сообщавшие, что новое общество располагает большим пространством соляных земель в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии.

В действительности же в то время ни инженер Коровко, ни организованное им общество никакими землями в Бахмутском уезде не владели. Несколько позже Коровко приобрел у крестьянина Побегайло в Бахмутском уезде небольшой участок земли, носивший название «Солончак». Побегайло получил в задаток 10 руб. и обещание в будущем доход в 20 тыс. руб. Коровко велел Побегайло рыть на этой земле ямы, напоминающие шахты, свозить лес и вообще создавать видимость активной работы по добыче соли. Товарищество даже назначило Побегайло «директором рудника». Но при этом не было произведено изысканий для выяснения наличия на участке соляных залежей. Как только до сведения местного горного инспектора дошли сведения, что Побегайло занимается какими-то раскопками безо всякого разрешения, им сразу же было сделано распоряжение о запрете работ и привлечении к ответственности. Увидев опасность, Коровко арендовал соседний участок у владелицы Кишинской и выпустил новые проспекты о том, что товарищество сооружает соляной рудник при станции «Ступки» Южной железной дороги на участке 165 десятин земли, и что рудник является местом залегания самой лучшей соли. Здесь Коровко приказал возвести огромную кирпичную трубу, чтобы все проезжающие по железной дороге видели рудник с различными постройками.

Реклама возымела свое действие и в общество к 1 января 1910 г. вступило 274 пайщика, внесших капитал в размере 158 275 руб. Один из них, полковник В. Шульц, приобрел паев на 25 тыс. руб. и пожелал лично ознакомиться с положением дел на соляных шахтах. Приехав в Бахмутский уезд, он нашел там декоративные шахты. Шульц, а за ним и другие пайщики подняли тревогу, потребовав отчета от Коровко и созыва общего собрания. Выяснилось, что Вера Коровко, как «полный товарищ», предпринимавшая «акционирование» общества, выдала своему супругу 25 тыс. руб. в безотчетное распоряжение. А когда пайщики обнаружили, что супруги Коровко успели присвоить все полученные за пай деньги, возбудили уголовное дело. В кассе Брянцевско-Романовского общества оставался 1 руб.

В марте 1912 г. по распоряжению судебного следователя по важнейшим делам Н. В. Зайцева инженер Коровко был арестован и отправлен в дом предварительного заключения, где провел два года, пока велось следствие. Во время следствия выяснилось, что число пострадавших от его мошеннических операций доходит до 500 человек, потерявших в общей сложности свыше 1 млн. руб. Прием, которым пользовался Коровко для обирания доверчи-

вых людей, был очень прост. Коровко совершал с кем-нибудь у нотариуса товарищеский договор, которым учреждал товарищество на вере и снабжал его фирмой «общества». Люди, вносившие ему деньги, предполагали, что имеют дело с акционерным обществом, действующим на основании утвержденного устава, и потому до известной степени подлежащим контролю правительства. На самом же деле оказывалось, что Коровко лично или через подставных лиц как полный товарищ распоряжался бесконтрольно расходом собираемых денег¹⁶.

Суд над Коровко начался 16 мая 1914 г. Дело слушалось в Первом отделении С.-Петербургского окружного суда под председательством Н. Н. Шевцова. Обвинителем выступил товарищ прокурора окружного суда В. А. Глухарев. Защищали Коровко присяжные поверенные И. П. Бессарабов, Д. Д. Данчич и П. П. Тимофеев.

Во время процесса подсудимый инженер Коровко принимал деятельное участие в судебном следствии, задавая вопросы свидетелям. В своем первом выступлении на суде он заявил следующее: «Я действовал в интересах и во имя русского народного хозяйства; я хотел создать на русские деньги чистое русское предприятие для борьбы с иностранными предпринимателями, захватывающими всю русскую промышленность в свои цепкие руки. Я думал выйти победителем из целого ряда комбинаций, неизбежных в каждом предприятии, а я затеял их целых три, имея в виду, что одно будет поддерживать другое. Мне не только грезились миллионы, но я воочию видел, что получение миллионов осуществимо при общей энергии и дружной работе. Наши недра содержат сказочные богатства, наша нефть и наша соль, — это неразработанные золотые горы. Но наши предприниматели инертны и обтянуты плотным кольцом формальностей. Я хотел создать свободное от этих формальностей дело с помощью пайщиков, которые сплошь и рядом не знают, куда пристроить свои капиталы...»¹⁷.

Во время процесса в качестве свидетелей был допрошен ряд бывших крупных и мелких служащих, утверждавших, что на Коровко буквально «лился золотой дождь». Сам он только в Каспийско-Романовском обществе получал одного жалованья 12 тыс. руб. в год. По справкам одного из кредиторов-пайщиков стало известно, что на текущих счетах Коровко имелись суммы, доходившие до миллиона, но затем деньги вдруг куда-то исчезали. У Коровко было имение в Саратовской губернии в 375 десятин, проданное в 1911 г. за 50 тыс. руб. В расцвет своей деятельности, то есть во время учреждения обществ, у Коровко было пять лошадей, экипажи, слуги, ливрейные лакеи. Он устраивал у себя вечера, на которые приглашал членов Государственной думы и Государственного совета.

22 июня 1912 г. после продолжительного совещания С.-Петербургский коммерческий суд признал «Банкирский дом Русской промышленности» несостоятельным в лице его официального владельца Н. И. Мартынова. В ре-

зультате краха особенно пострадали Гагарин, Владимиров, Данилов, генерал В. П. Максимов, артистка Императорских театров В. А. Никитина, Попова, Семенова и др. Их потери простирались на сумму около 100 тыс. руб.

Однако события вскоре приняли неожиданный поворот. Выяснилось, что принадлежащий Коровко участок земли в Бахмутском уезде, пройдя через несколько рук, был приобретен Международным коммерческим банком за 1400 тыс. руб. В кулуарах суда заговорили о необходимости вызвать в суд директора банка Г. Е. Шайкевича, что в процессе предвидится много неожиданного и даже возможны новые разоблачения. Роль Коровко называли уже второстепенной.

22 мая 1912 г. судья объявил о завершении следствия и назначил на 23 мая речи прокурора и адвокатов. 24 мая Коровко было предоставлено последнее слово, в котором он заявил, что «целью его жизни был труд и только труд», что «вращаясь среди народа, среди рабочих, он видел много народного горя и был бесконечно счастлив, когда давал заработать людям, ищущим труда». Далее Коровко продолжил утверждать, что всю свою деятельность направлял на пользу русской промышленности, созданные им предприятия существуют, дают и будут давать миллионные доходы. Во всех своих предприятиях, по словам обвиняемого, он рисковал прежде всех и больше всех. Затем Коровко заявил, что во время ареста в его кармане лежали заключенные уже товарищеские договоры на 4 млн. руб. и если его лишат прав, то все предприятия пропадут. Подсудимый закончил свою речь просьбой, обращенной к присяжным заседателям, оправдать его жену, мать его ребенка. По отношению к себе Коровко просил только об изменении статьи о мошенничестве на статью о вовлечении в невыгодную сделку.

Присяжные заседатели совещались пять часов и только около часа ночи ответили утвердительно на все вопросы о доказанности преступлений по всем трем предприятиям. На вопрос о виновности подсудимого Коровко ответили: да, виновен, но на сумму менее 300 руб. Вера Коровко была оправдана.

Суд определил лишить Коровко прав состояния и заключить в тюрьму на три месяца, но учитывая предварительное заключение от наказания освободить. Тотчас же Коровко был освобожден из-под стражи¹⁸.

В 1912–1914 гг. обанкротился не только банкирский дом Коровко. В эти годы такой же участи подверглись сразу несколько столичных и провинциальных банкирских заведений, например, К. А. Толстопятова, А. П. Киреева и С. Ф. Петровского, А. П. Кропотова, братьев Ингал, Равицкого, А. И. Зейдман и др. В прессе из номера в номер в течение трех лет публиковались материалы о крахе одной банкирской конторы за другой. Крахи банкирских заведений становятся достаточно частым явлением в начале XX в. Они сопровождалась разорением массы обманутых, охотно доверяющих банкирским заведениям свои сбережения. Приманкой, на которую ловилась клиентура, служил как высокий процент, предлагаемый банкирскими заведениями,

так и простота обстановки и отсутствие формальностей при совершении операций. Можно утверждать, что в начале XX в. в российском бизнесе сформировался новый тип мелкого банкира-спекулянта вроде Коровко, Толстопятова, Петровского, Кропотова и др., которые пользуясь пробелами в законодательстве при помощи обмана пытались обогатиться за счет доверчивости своих клиентов.

Примечания

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00076/13.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6130; Весь Петербург: Адрес. и справ. кн. на 1908 год. СПб., 1908. С. 375; Весь Петербург... на 1910 год. СПб., 1910. С. 424.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 605. Л. 73; ЦГИА СПб. Ф. 479. Оп. 27. Д. 476; Ф. 569. Оп. 12. Д. 233.

³ Авантюристы наших дней // Петербургский листок. 1914. 22 мая.

⁴ Финансовое обозрение. 1912. № 1.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 233. Л. 1–19; Ф. 243. Оп. 1. Д. 805; Ф. 458. Оп. 1. Д. 2421; Ф. 492. Оп. 2. Д. 6130.

⁶ Миллионные аферы // Петербургский листок. 1914. 16 янв.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 233. Л. 9. — Известны и другие случаи открытия банковских контор без ведома властей, например, воронежского мещанина М. А. Левина, имевшего в Петербурге четыре банковских конторы: на Невском пр., 47, Садовой ул., 32, Разъезжей ул., 16–18 и Большом пр. Петербургской стороны, 15. По объяснению владельца, конторы он открыл по промысловым свидетельствам, выданным ему в 1912 г. Было назначено расследование деятельности действующих в столице банковских контор под фирмой Левина. После расследования министр финансов запретил Левину вести банковские операции. Пытаясь сохранить банковский промысел, Левин 29 мая 1912 г. обратился к петербургскому градоначальнику с просьбой разрешить при его банковской конторе открыть контору «по страхованию извозчиков от штрафов», но получил отказ (см.: Там же. Д. 645. Л. 21, 29, 57–61).

⁸ Там же. Д. 233. Л. 9–14.

⁹ Слово «онколь» (on call) означал специальный текущий счет под обеспечение ценных бумаг. Лиц, имеющих такие счета в банках, называли онколитами. Особенности онколя заключались в том, что кредитные учреждения, открывавшие текущие счета, имели право в случае падения биржевой цены заложенных бумаг требовать от своих клиентов возвращения ссуды или увеличения обеспечения. В противном случае заложенные бумаги продавались банком за счет клиента на бирже или оставались за банком по их биржевой стоимости.

Почти вся биржевая торговля ценными бумагами в России на рубеже XIX–XX вв. совершалась при помощи онкольных операций. Редко кто покупал ценные бумаги за наличный расчет. Ссуда могла оплачиваться по частям, а обеспечение можно было увеличивать и уменьшать сообразно с величиной взятой ссуды. Таким образом, онкольный счет являлся ссудой на определенный срок, которая всегда могла быть полностью или частично уплачиваться или, наоборот, возобновляться. Как «публика», так и биржевая «кулиса» пользовались для этого онкольным кредитом в банковских учреждениях, внося обеспечение в размере 25–30 %, иногда меньше, иногда больше, но, как правило, в этих пределах.

Столичные банки и банкирские конторы в зависимости от того, при какой минимальной сумме взноса они открывали онкольный счет, распределялись следующим образом. При взносе 5000 руб. открывали онкольный счет Русский для внешней торговли банк, Русский торгово-промышленный банк, Учетный и ссудный банк, Волжско-Камский банк, Русско-Китайский банк, Московский купеческий банк; 3000 руб. — Международный коммерческий банк, Северный банк, банк «Э. М. Мейер и К°»; 2000 руб. — Азовско-Донской банк, банк «Бр. Джамгаровы»; 1000 руб. — Сибирский торговый банк, С.-Петербургское общество взаимного кредита, «Лампе и К°», «Бр. Рябушинские», «Юнкер», Лионский кредит, Соединенный банк, «Г. Волков с с-ми, «Кафталь, Гандельман и К°», «Маврикий Нелькен»; 500 руб. — Русское торгово-промышленное общество, Общество взаимного кредита, «Вавельберг», Частный коммерческий банк; 300 руб. — «А. В. Смирнов»; 100 руб. — «Захарий Жданов», «Д. Г. Лесин» и «Банкирский дом русской промышленности».

Из приведенного списка видно, что солидность банка прямо пропорционально зависела от минимальной суммы открытия онкольного счета. Серьезные банки не стремились заполучить мелких клиентов, с которыми работы было больше, чем с крупными клиентами, а доход банку тот же (см.: Всероссийский вестник торговли, промышленности и техники. 1910. № 4. С. 8).

¹⁰ Миллионные аферы // Петербургский листок. 1914. 16 янв.; Авантюристы наших дней // Там же. 17, 22 мая.

¹¹ Миллионные аферы...; Банки и биржа. 1913. № 37. С. 5; Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 6. С. 8.

¹² Миллионные аферы...

¹³ Авантюристы наших дней... 24 мая.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 243. Оп. 1. Д. 805.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Арест короля русских аферистов // Вечернее время. 1912. 24 апр.

¹⁷ Авантюристы наших дней... 19 мая.

¹⁸ Там же. 25 мая.

С. В. Филатова

КУПЧИХИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ: ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(вторая половина XIX — начало XX в.)

История купеческого сословия — тема, востребованная самой жизнью, вновь поставившей в постсоветской России задачу развития отечественного предпринимательства. Хотя сегодня существует масса работ, посвященных истории купечества в целом, они сосредоточены преимущественно вокруг мужчин. Безусловно, подобный подход не нуждается в каких-либо обоснованиях: роль мужчины в становлении купечества как сословия бесспорна. Однако в огромной плеяде лиц, ковавших славу и успех российского предпри-